

UNITED WISDOM

Тишина после музыки: что остаётся от переживания

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P-26-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Тишина после музыки: что остаётся от переживания

Эпиграф

И так — до завершения.

Лунь юй III.23 в пронумерованном издании James Legge; собственный перевод United Wisdom короткой заключительной части. Речь о ходе музыкального исполнения, а не об обязательном молчании слушателя.

О чём эта статья

Когда музыка заканчивается, можно сразу выбрать следующую запись, заговорить, остаться некоторое время без музыки или перейти к обычному делу. Ни один ответ сам по себе не измеряет глубину переживания. Тишина после музыки интересна как граница: звучание завершилось, а память, впечатление и желание продолжения могут иметь другой срок. Статья помогает различить эти вещи без требования извлечь из паузы особое знание о себе. Августин рассматривает время через голос, память и ожидание; Конфуций говорит о ходе музыкальной формы до завершения; библейский призыв к покою обращён к Богу в определённом контексте. Их разные предметы позволяют точнее поставить современный вопрос: что действительно осталось от слушания и какое следующее действие я выбираю сейчас?

I. Окончание звучания — определённая граница

Человек слушает произведение дома. Последний фрагмент заканчивается, проигрыватель не переходит к следующему, и слышными становятся обычные звуки комнаты. Можно сказать, что музыка закончилась, хотя настроение ещё не сменилось и отдельный мотив вспоминается. Здесь нет противоречия: событие звучания и собственное отношение к нему имеют разные границы. Полезно сначала назвать то, что действительно завершилось. Тогда не нужно удерживать запись в бесконечном повторении ради доказательства, что впечатление было настоящим, или считать его исчезнувшим при первом бытовом звуке.

Слово «тишина» в этой статье означает прежде всего отсутствие продолжающейся выбранной музыки, а не абсолютную беззвучность. В комнате может работать техника, за окном могут проходить люди, рядом может разговаривать семья. Эти обстоятельства не превращают окончание в неудачу. Если человек требует идеальной пустоты звука,

конкретная возможность остановить прослушивание подменяется условием, которое не всегда доступно. Можно заметить перемену в данном месте: выбранная музыкальная последовательность больше не задаёт ход внимания, и теперь становится возможным иной способ участия в происходящем.

Иногда пауза уже принадлежит произведению. Исполнитель или слушатель ожидает продолжения после короткого разрыва; тогда ещё рано называть действие законченным. В другом случае запись действительно завершена, но человек сам выбирает остаться без новой музыки. Эти ситуации различаются по предмету: слушать паузу внутри формы и распоряжаться временем после неё. Для обычного выбора достаточно понимать, что происходит сейчас. Необязательно искать особую духовную глубину в любом промежутке или превращать каждое завершение в упражнение с обязательной длительностью.

Представим, что двое вместе слушали альбом. Один воспринимает последнюю дорожку как окончание вечера, другой хочет включить ещё одну. Различие становится яснее, когда они называют свои желания, а не спорят о том, кто правильнее услышал музыку. Первый может хотеть побыть без записи, второй — продолжить музыкальную часть. Их впечатления не обязаны совпадать. Обсуждать стоит следующий конкретный шаг, доступное время и общий звук комнаты; сама пауза не даёт одному участнику исключительного права определить смысл события для другого.

II. Память о звуке не тождественна продолжающемуся звуку

В «Исповеди» XI.27–28 Августин, в переводе J. G. Pilkington, обсуждает голос, который звучит и прекращается, след впечатления и исполнение знакомого псалма. Ожидание ещё не исполненного, внимание к текущему и память о прошедшем помогают ему рассматривать время. Это философское рассуждение, обращённое к Богу, а не современная теория работы мозга. Для нашей темы важно ограниченное различие: когда звучание закончено, человек может обращаться к тому, что осталось в его памяти, не принимая этот след за само продолжающееся событие.

Мотив может вспоминаться очень отчётливо; другой человек удерживает только впечатление от перехода или общее ощущение завершения. Эти разные способы описания не следует расположить по степени правильности слушателя. Для оценки исполнения нужны музыкальные основания, а для рассказа о собственном впечатлении — честное указание его предмета. Фраза «помню последние ноты» отличается от «мне запомнилось, что конец оказался неожиданным». В обоих случаях человек говорит о том, что доступно ему сейчас, и не обязан изображать точную память ради серьёзного отношения к произведению.

У Августина память в рассуждении о времени не даёт читателю обещания сохранить любой опыт неизменным. Поэтому не стоит понимать короткую цитату о закреплённом следе как универсальную гарантию верности воспоминания. Практически полезно различить: что я действительно могу воспроизвести, что описываю приблизительно и что узнал позднее из чужого рассказа. Если позже прочитана рецензия, её язык может помочь поставить вопрос, но не обязан превращаться в описание собственного первоначального слухового впечатления. Уточнение источника такого рассказа сохраняет его ясность.

Иное различие касается ожидания. Когда знакомая музыка заканчивается, человек может мысленно ждать повторения привычного начала. Он знает, что можно включить запись снова. Но возможность повторить произведение не означает, что предыдущий момент остаётся незавершённым. Следующее прослушивание будет новым действием в сегодняшних условиях. Это не обесценивание узнавания. Просто ожидание дальнейшего, память о прошедшем и выбор новой записи не нужно объединять в один бесконечный процесс, который будто обязан поддерживать исходное чувство без всякой перемены.

Иногда память связана с общей формой, иногда с единичным эпизодом: вступлением инструмента, исполнителем, неожиданным окончанием. Не требуется сразу собирать эти части в полную реконструкцию. Можно отметить предел собственного рассказа: помню этот момент, а последовательность остального пока описать не могу. Такое признание не делает переживание пустым. Оно отделяет доступный след от требований, которые возникли после события. Если точность важна для музыкального обсуждения, можно обратиться к записи ещё раз; если речь о личном впечатлении, неполнота допускается.

III. Завершение может принадлежать музыкальной форме

В «Лунь юй» III.23, в пронумерованном издании James Legge, Конфуций обращается к главному музыканту Лу и описывает начало, согласованное движение различимых частей и переход к заключению. Прочитано всё высказывание, а не отдельное слово о гармонии. Его предмет — исполнение музыки. Из него нельзя вывести правило, что всякий слушатель обязан молчать после последней ноты. Но текст помогает задать иной вопрос: какое завершение принадлежит самой форме, прежде чем мы назначаем паузе после неё личное значение?

Человек может услышать конец как подготовленный, неожиданный, открытый или торжественный. Это пока его описание, которое можно уточнить при знакомстве с произведением. Важно не смешивать музыкальную характеристику с приговором собственному состоянию. Открытое окончание не обязано означать незавершённость жизни слушателя, а ясное заключение — окончательное разрешение его вопросов. Музыка имеет ход, который можно обсуждать на её материале. Личная ассоциация тоже

может иметь значение, если названа ассоциацией и не заменяет объяснение того, что действительно было исполнено.

В разговоре после концерта один участник замечает, что финальная часть повторила начальную тему, другой говорит о спокойствии. Эти ответы относятся к разным предметам и не обязательно спорят между собой. Первый описывает устройство исполнения, второй — собственное впечатление. Можно спросить подробнее о каждом, не заставляя человека доказать личное чувство техническими терминами и не заменяя музыкальное наблюдение эмоциональным лозунгом. Такая разница позволяет сохранить и интерес к форме, и право на собственный ответ без обязательного общего словаря.

Полезно различать окончание произведения и окончание выбранного прослушивания. Запись может содержать несколько частей, а человек решил сегодня услышать только одну; концерт может продолжиться после антракта. Выбор остановиться не переписывает устройство музыки. Достаточно сказать, где я завершил своё участие и что осталось неуслышанным. Тогда пауза после выбранного фрагмента не выдаётся за естественный финал всего произведения. Честное указание объёма слушания помогает говорить о впечатлении точнее, особенно когда оно позже становится рекомендацией или рассказом для других.

IV. Не всякий призыв к покою говорит о музыкальной паузе

Псалом 46:8–11 в King James Version содержит призыв к покою и знанию Бога рядом с прекращением войн, разрушением оружия и утверждением Господа как убежища. Все четыре стиха прочитаны вместе. Поэтому знакомую короткую фразу нельзя незаметно превратить в обещание расслабления после прослушивания. Её предмет религиозный, а окружающий текст говорит о событиях большего масштаба. Для этой статьи важен вопрос адресата: к чему обращено конкретное молчание или остановка, если человек придаёт им духовное значение?

Кто-то после духовной музыки хочет молиться в своей традиции. Другой человек после того же исполнения предпочитает рассмотреть музыкальную форму или просто пойти домой. Один ответ не следует выдавать за внутреннюю истину всех присутствующих. Если событие имеет заранее названное религиозное назначение, его нужно понимать в этом контексте; если это обычное прослушивание, не стоит объявлять последующую паузу обрядом по одному собственному впечатлению. Предмет участия и личное отношение можно назвать отдельно, оставляя каждому его действительный объём.

Из религиозного текста также не следует право требовать молчания от человека, который хочет задать вопрос или сообщить о несогласии. Тишина становится содержательной, когда понятны обстоятельства и выбранное отношение к ним.

Принуждение к определённому внешнему виду не удостоверяет внутренней молитвы, внимания или принятия. В нашей современной практической задаче достаточно добровольно согласовать некоторое время без новой музыки. Это авторское решение бытовой ситуации, а не перенос древнего обращения к Богу в универсальное правило поведения всех слушателей.

Так три линии остаются различными. Августин рассматривает время и след в памяти, конфуцианское высказывание — музыкальное исполнение до заключения, псалом — Господа и религиозный покой. Их нельзя соединить в доказательство, что тишина автоматически раскрывает смысл опыта. Можно лишь внимательнее спросить о своём случае: заканчивается ли сейчас форма, вспоминаю ли я звучание, обращаюсь ли к молитве или выбираю отсутствие новой записи? Такой вопрос уточняет действие и не назначает человеку обязательную духовную высоту паузы.

V. Впечатление можно описать без немедленного вывода о жизни

После музыки иногда хочется сказать, что всё стало ясно. Само переживание ясности можно признать, но конкретный вывод требует своего предмета. Что именно стало яснее: различие музыкальных частей, отношение к воспоминанию, желание услышать исполнителя снова? Если речь идёт о решении в отношениях или работе, одной силы впечатления недостаточно, чтобы установить условия этого решения. Тишина может дать место сформулировать вопрос, но не отвечает за отсутствующую информацию, согласие другого человека или последствия выбранного действия.

Вместо общего «это изменило меня» можно сохранить более ограниченное наблюдение: я неожиданно услышал знакомый фрагмент иначе; мне захотелось узнать контекст; я предпочёл не включать следующую запись. Такие фразы не обедняют событие. Они показывают, что действительно доступно в рассказе сейчас. Если позднее значение станет другим, первоначальная формулировка не обязана исчезнуть. Она описывает один момент отношения, а не подписывает постоянный договор с собой. Не требуется сразу найти выражение, которое навсегда завершит толкование переживания.

Бывает и отсутствие подходящих слов. Человек знает, что прослушивание имело значение, но пока не может рассказать о нём. Это не доказывает ни тайной глубины, ни пустоты опыта. Можно оставить вопрос открытым и не заменять собственное незнание чужой торжественной фразой. Если рассказ требуется в обсуждении, допустим простой ответ о том, что особенно запомнилось или что осталось неясным. Отказ от окончательного объяснения сохраняет возможность последующего разговора и не должен превращаться в новую обязанность всегда говорить загадочно.

Неприятное впечатление также не обязано свидетельствовать о правильном прохождении через трудную музыку. Человек может не хотеть продолжения, может не понимать форму или отвергать услышанные слова. Эти ответы различаются и заслуживают своего языка. Здесь не предлагается лечение слушанием или правило, что музыку нужно терпеть ради раскрытия. Для практической задачи достаточно уточнить собственный ответ и выбрать дальнейшее участие. Если хочется исследовать произведение, это отдельный интерес; если хочется закончить вечер, не нужно доказывать художественную несостоятельность музыки ради права уйти.

VI. Общая пауза не требует одинакового внутреннего ответа

После совместного слушания люди могут захотеть разного: обсудить, помолчать, проверить время, выйти на улицу. Организатор иногда предлагает небольшую паузу без новой записи. Полезно назвать, что именно предлагается и как можно участвовать. Тогда отсутствие разговора не становится молчаливым обещанием одинакового переживания. Кто-то внимательно вспоминает музыку, кто-то просто отдыхает от общения, кто-то думает о следующем деле. Внешне похожее поведение не даёт готового знания о причинах каждого человека и не устанавливает степень его близости к группе.

Можно договориться о последовательности: сначала некоторое время без музыки, затем разговор для желающих. Такой порядок относится к конкретной встрече и не обязан считаться лучшим для всех случаев. Участник может заранее знать, что обсуждение необязательно и что можно уйти. Это особенно полезно, если личный рассказ не был предметом приглашения. Пришедший слушать не обязательно пришёл публично объяснять свои чувства. Форма общего окончания становится яснее, когда её условия названы до того, как отказ начнёт восприниматься как отсутствие благодарности.

У домашней паузы есть ещё условия общего пространства. Один человек хочет тишины, другой продолжает обычное дело, которое сопровождается звуком. Желание сохранить впечатление не создаёт безграничного требования к остальным. Можно согласовать место, время или иной способ завершения собственного прослушивания. Не нужно представлять бытовой звук как доказательство, что семья не уважает музыку или внутренний мир слушателя. Конкретная просьба точнее: я хочу пока не включать новую запись и побыть в другой комнате; что возможно в наших сегодняшних обстоятельствах?

После общего концерта полезно различить благодарность исполнителю, оценку музыки и личный рассказ. Человек может выразить благодарность за работу, не обещая одинакового восторга; может обсуждать форму, не рассказывая о биографии. Ни один из этих способов не устанавливает всю полноту отношения. Так пауза и следующий разговор остаются доступными действиями, а не проверкой правильности публики. Если

в группе есть ожидания о заключительном обсуждении, их стоит объяснить как часть встречи, позволяя участникам решить, подходит ли им именно такой формат.

Не каждый вопрос после тишины требует немедленного ответа. Можно договориться вернуться к музыкальному обсуждению позже, если сейчас время ограничено. Но отсрочка не должна незаметно обещать будущую близость или обязательную откровенность. Важно назвать, что действительно согласовано: отправить название произведения, обсудить исполнение, встретиться снова либо оставить разговор без продолжения. Такая ясность защищает значение состоявшегося события. Пауза может быть общей, а дальнейшие намерения различными; один завершённый вечер не обязан создавать постоянную роль для каждого слушателя.

VII. Повторить музыку — новое действие, а не возврат момента

Желание включить произведение снова может быть вполне конкретным. Человек хочет услышать переход, который пропустил, сравнить исполнение, продолжить знакомство или просто снова побыть с любимой музыкой. Эти задачи не требуют оправдания тем, что первое прослушивание оказалось недостаточным. Можно назвать предмет повторения и выбрать его. Но повторная запись не возвращает все обстоятельства предыдущего момента: разговор, ожидание, место и собственное отношение могли измениться. Поэтому ожидание полного совпадения впечатления часто задаёт слишком узкое условие для нового слушания.

Иногда человек повторяет музыку, чтобы удержать возникшее чувство. Такое желание можно заметить без осуждения. Следующий вопрос практический: хочется ли сейчас именно слушать или хочется не признавать окончание предыдущего события? Ответ не обязан быть немедленным и окончательным. Можно выбрать ещё одно прослушивание, сделать паузу или перейти к иному делу. Статья не устанавливает правильного количества повторов. Она предлагает различить их предмет, чтобы музыка не превращалась в обязательное обслуживание чувства, которое человек считает необходимым сохранять непрерывно.

В другом случае повторение помогает увидеть, что первое описание было приблизительным. Конец, который казался внезапным, оказывается подготовленным; запомнившийся голос звучит в другом месте последовательности. Уточнение музыкального наблюдения не обязательно отменяет личное впечатление. Можно сказать, что сначала я услышал иначе, а теперь понимаю форму подробнее. Это два рассказа о разных моментах участия. Честная коррекция не должна превращаться в

обвинение себя в неправильном переживании или в требование сделать все будущие впечатления заранее безошибочными.

Запись можно сохранить для другого дня, не назначая себе обязательного возвращения. Название, исполнитель и выбранная часть помогают найти предмет, если интерес возникнет снова. Такой след отличается от обещания воспроизвести всю атмосферу вечера. Не требуется собирать подтверждения того, что музыке удалось навсегда изменить жизнь. Иногда достаточно того, что произведение стало знакомым; иногда оно останется единичным событием. Возможность будущего слушания имеет смысл именно потому, что не отменяет конечность предыдущего и не превращает желание в задолженность перед опытом.

VIII. Следующее обычное дело не обязано разрушить впечатление

После музыки нужно поставить посуду на место, приготовить вещи или ответить близкому человеку. Эти действия не являются по определению вторжением в чистое переживание. Прослушивание произошло внутри дня, в котором существуют другие дела. Можно выбрать короткую паузу, если она доступна, и затем перейти к следующему действию. Не требуется переносить настроение в каждую подробность вечера, чтобы доказать его значение. Музыкальный опыт может остаться отдельным событием, а повседневность — продолжиться без обязанности соответствовать его тональности.

Полезно отличать внимательное продолжение от эмоционального приказа. После спокойной музыки человек может по-прежнему иметь сложный разговор, после радостной — не захотеть праздника. Содержание следующих обстоятельств не исчезает из-за характера записи. Если требуется принять решение, уточняются его реальные условия. Если требуется забота о другом, рассматривается его сегодняшний ответ. Тишина не превращает внутреннее чувство в универсальный критерий правильного действия. Она может оставить место заметить следующий предмет, который имеет собственные требования и не обязан подчиниться недавнему впечатлению.

Иногда человек хочет сообщить о музыке другому. Можно поделиться названием, своим ограниченным наблюдением или приглашением послушать, не ожидая того же результата. Другой слушатель встретит произведение в своих условиях. Его иной ответ не лишает первоначальное событие значения. Если рассказ становится публичным, полезно различить описание исполнения и собственную ассоциацию, а также не говорить от имени всех участников встречи. Сохраняется конкретность: что я слышал, что лично заметил и какую часть общего события действительно могу описать.

Если ничего определённого не осталось, можно оставить вечер без памятной формулы. Не всякий опыт должен быть полезным, поучительным или пригодным для рассказа. Это не утверждение, что музыка была бессмысленной; это признание границы сегодняшнего ответа. Человек вправе слушать, закончить и не предъявлять внутреннего отчёта. Такой предел защищает возможность встречи с произведением без требования немедленной выгоды. Смысл, если он появится позднее, можно рассмотреть тогда; отсутствие готового вывода сейчас не требует придумывать его ради полноценного завершения.

IX. Что остаётся, можно назвать в действительном объёме

От переживания может остаться музыкальное наблюдение, память об эпизоде, интерес к исполнителю, желание разговора или просто факт состоявшегося слушания. Эти следы не образуют обязательной лестницы от поверхностного к глубокому. Их значение зависит от конкретного предмета. Узнать название произведения может быть важным результатом знакомства; захотеть другого исполнения — началом нового вопроса; предпочесть закончить — ясным выбором сегодняшнего участия. Тишина позволяет не торопиться объединять всё в один большой вывод о том, каким человек стал.

Можно спросить о трёх разных границах: что закончилось в звучании, что доступно в памяти и чего хочется дальше. Ответы не обязаны совпасть по времени. Запись завершилась; воспоминание пока неясно; следующую встречу человек ещё не решил. Такая раздельность не означает распад опыта. Она делает рассказ точнее и оставляет место уточнению. Не требуется держать чувство неизменным, чтобы сохранить право на память, или немедленно назначать новое слушание, чтобы подтвердить интерес к музыке. Завершение события может быть вполне определённым при открытом значении.

Прочитанные источники помогают именно через различие своих задач. Рассуждение Августина не превращено в научный механизм, конфуцианская музыкальная форма — в правило обязательного молчания, религиозный псалом — в технику расслабления. Современный порядок действий остаётся авторским предложением: различить след, окончание и дальнейший выбор. Он доступен человеку, который не разделяет религиозных оснований источников, если сохраняет честность сопоставления. Никому не требуется принимать общую метафизику музыки, чтобы конкретно описать свой ответ на закончившееся произведение.

Тишина после музыки может быть простым местом между двумя действиями. В нём можно вспомнить услышанное, ничего не объяснять, договориться о продолжении или заметить следующее дело. Она не гарантирует мудрости и не обязана предъявлять скрытый итог. Достаточно позволить звучанию закончиться, не смешивать память с продолжающимся событием и выбирать следующий шаг в его действительных условиях. Тогда конечность перестаёт выглядеть потерей ценности: музыка была услышана, а то,

что останется от неё, можно назвать позже — в том объёме, который действительно доступен.

И это более позднее название тоже не обязано стать последним. Через время человек может иначе понять исполнение, найти другой контекст или перестать интересоваться знакомой записью. Предыдущий рассказ останется свидетельством прежнего отношения, если сохранён честно. Его не нужно ни защищать как окончательную истину, ни уничтожать ради новой формулировки. Так музыкальный опыт получает историю без обещания неизменности. Тишина завершает один момент, а дальнейшее значение складывается в отдельных встречах и решениях, каждое из которых можно рассматривать самостоятельно.

Что это значит на практике

После выбранного прослушивания назовите его фактический объём: всё произведение, отдельная часть или фрагмент. Если возможно и хочется, не включайте сразу новую запись. Не задавайте обязательной длительности тишины и не требуйте специального состояния; учитывайте условия места и других людей.

Разделите три вопроса: что завершилось в звучании, что сейчас доступно в памяти и чего хочется дальше. Достаточно одного конкретного наблюдения. Приблизительный след, чужое описание и музыкальное знание называйте отдельно; пауза не удостоверяет точность памяти.

Если слушали вместе, уточните следующий формат: разговор, время без музыки или окончание встречи. Личный рассказ необязателен, если вы на него не соглашались. Своё впечатление не следует выдавать за внутренний ответ всей группы; различие желаний можно обсудить обычными словами.

Выберите следующий шаг по его предмету: сохранить название, услышать фрагмент снова, узнать контекст, договориться о встрече или вернуться к обычному делу. Не превращайте яркость впечатления в основание постороннего решения. Можно закончить без вывода; значение опыта не требует немедленного отчёта.

Ключевая цитата

> *Нечто в моей памяти, что остаётся закреплённым.*

Августин, «Исповедь» XI.27.35, J. G. Pilkington, редакция New Advent; собственный перевод United Wisdom короткой части. След прошедшего звучания в рассуждении о времени не гарантирует неизменной и точной памяти любого опыта.

Связи между традициями

Линия	Источник	Предмет и граница
Звучание и память	Августин, Исповедь XI.27–28, Pilkington	Философское рассмотрение времени перед Богом; не механизм мозга или верность всей памяти.
Ход до заключения	Лунь юй III.23, Legge	Музыкальное исполнение; не предписание послеконцертной тишины.
Религиозный покой	Псалом 46:8–11 по KJV	Господь, войны, оружие и убежище; не техника расслабления.
Общая пауза	Авторские примеры встречи и дома	Похожие внешние ответы не устанавливают одинаковое переживание; условия согласуются.
След и следующий выбор	Авторские примеры повторения и обычного дела	Яркость впечатления не основание постороннего решения; завершение допускается без отчёта.

Первоисточники

1. Августин, *Исповедь* XI.27–28, §§34–38. J. G. Pilkington, *Nicene and Post-Nicene Fathers*, First Series, volume 1, редактор Philip Schaff, 1887; показанная переработка New Advent, Kevin Knight. Полностью прочитаны обе главы, включая сравнение звучания и тишины, память и исполнение знакомого псалма; информация о переводе проверена на странице. Ключ — короткая часть XI.27.35, RU перевод United Wisdom. Философское рассуждение не объявлено научной моделью или обещанием точной памяти. https://www.newadvent.org/fathers/110111.htm

2. *Лунь юй* III.23, пронумерованное издание James Legge, *The Chinese Classics*, volume 1, Wikisource. Всё высказывание главному музыканту Лу прочитано вновь. Отождествление с редакцией Legge 1893 проверено ранее в текущей задаче. Эпиграф — точная заключительная английская часть, RU перевод United Wisdom. Музыкальная форма имеет собственный предмет; обязательная тишина публики не выведена. https://en.wikisource.org/wiki/The_Chinese_Classics/Volume_1/Confucian_Analects/III

3. *Псалом* 46:8–11 по нумерации King James Version, Bible Gateway. Все четыре стиха и обозначение версии фактически прочитаны: соседние войны, оружие и Господь как убежище включены в контекст. Призыв к покою не заменён обещанием расслабления

после музыки.
https://www.biblegateway.com/passage/?search=Psalm%2046%3A8-11&version=KJV

Теги

тишина, музыка, завершение, звучание, память, ожидание, внимание, впечатление, пауза, слушание, форма, повторение, запись, исполнение, концерт, разговор, группа, согласие, обычная жизнь, выбор, Августин, Исповедь, Конфуций, Лунь юй, Псалом, христианская традиция, конфуцианская традиция, религиозный покой, контекст, конечность, значение, описание

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.